

ГЕНШТАБИСТЫ В КОММУНАЛКАХ

Советская повседневность старой военной элиты*

Добровольный переход значительной части представителей дореволюционной военной элиты в лице офицеров Генерального штаба на сторону большевиков и, безусловно, связанная с ним победа последних в Гражданской войне не могут не ставить целый ряд сложных научных проблем. Среди них особняком стоят вопросы повседневной жизни и быта военных специалистов в Советской России, соотношения их с дореволюционной жизнью, а также с ожиданиями при поступлении на службу новой власти. Большой интерес представляет и оценка того, как чувствовали себя бывшие офицеры Генштаба в советских условиях. Автор этих строк, прожив несколько лет в коммунальной квартире в начале XXI столетия, не мог обойти вниманием соответствующий опыт военспецов-генштабистов почти вековой давности.

До революции снять комнату можно было за 25 рублей в месяц. При годовом офицерском жаловании мирного времени для капитанов — в 900 рублей и для штабс-капитанов — в 780¹ 300 рублей на съём жилья можно было себе позволить. Тем более что помимо жалования офицеры получали отдельно столовые, квартирные и добавочные деньги. К примеру, капитан Генштаба на должности и. д. штаб-офицера для поручений при штабе армии в октябре 1915 года получал 1080 рублей жалования в год, 600 рублей столовых и 360 рублей добавочных². Чем выше были чины, тем обширнее должна была быть занимаемая жилплощадь. Штаб-офицер должен был располагаться в трёх-пяти комнатах, генерал-майор — уже в восьми (две для прислуги)³. Разумеется, выше было и денежное довольствие. Начальник штаба военного округа, полковник Генштаба, мог получать в 1917 году 1200 рублей оклада, 3000 столовых и 500 квартирных⁴.

Питание было дешёвым. В 1912 году завтрак мог обойтись в 50 копеек, фунт мяса стоил 10–12 копеек, бутылка водки — 30 копеек, бутылка коньяка — 1,5 рубля. Таким образом, в материальном плане офицеры, даже младшие, были вполне обеспечены. Для сравнения: месячная зарплата квалифицированного рабочего накануне Первой мировой войны составляла в среднем 90 рублей, служащего — 85,5 рублей. В отличие от офицеров, дополнительные выплаты на питание и жильё они не получали.

В советское время многое переменялось. Оклады военспецов в Гражданскую войну оставались стабильно высокими, превышая даже жалование партийных работников, однако в условиях разрухи и голода деньги решали далеко не всё. При этом жилищные условия и питание резко ухудшились: уплотнения и реквизиции постоянно грозили «бывшим» людям,

а питание удовлетворялось скудным пайком и продукцией с чёрного рынка.

Весной 1918 года, после переезда военных учреждений из Петрограда в Москву, многие военспецы жили прямо в вагонах, лишь со временем быт служащих центрального аппарата стал налаживаться. На фронтах высокопоставленные работники тоже жили в вагонах на железнодорожных станциях. Если необходимость жить в вагоне отсутствовала, размещались при штабах. Бывший генерал А. А. Самойло вспоминал о своём прибытии на Север России весной 1918 года: «Архангельск встретил нас на первых порах неприветливо и в смысле погоды, и в смысле элементарных бытовых удобств. Мы были помещены в здании бывшей гимназии, в огромном зале, заставленном ученическими партами. Неважным было и отношение к нам как к работникам нового

Руководство РККА, преподаватели и первый выпуск Военно-академических курсов высшего командного состава. Май–июнь 1922 г. Научный архив Института российской истории РАН.

Публикуется впервые.

Сидят: заместитель председателя РВС Республики Э. М. Склянский, начальник Штаба РККА П. П. Лебедев, помощник главного начальника военно-учебных заведений В. С. Лазаревич. За Лебедевым стоит помощник главкома по Сибири Н. Н. Петин. В группе выпускников И. Ф. Блажевич, Я. П. Гайлит, П. Е. Княгиницкий (вверху, с двумя орденами Красного Знамени), Б. И. Пугачевский.

штаба»⁵. Бывший генерал Ф. Е. Огородников летом 1919-го поселился в Смоленске и записал: «Отчаянно грязный вонючий номер, с двумя койками... В остальном условия жизни очень хорошие»⁶. Генштабисты оперативного отделения штаба 16-й армии в 1919 году были вынуждены работать в неотопляемом помещении⁷. Такая же ситуация сложилась и в академии Генштаба РККА, причём заготовкой дров занимались сами слушатели академии.

Командировки отдельных генштабистов отличались драматизмом. Если высокопоставленные и приближённые к военному и партийному руководству начальники могли позволить себе комфортабельные поездки в собственном вагоне или даже в элитном салон-вагоне, как у главнокомандующего⁸ (элемент начинавшегося номенклатурного расслоения советского общества), то простые, не имевшие никаких привилегий военспецы находились в совсем ином положении. Так, сотруднику Высшей военной инспекции С. К. Сидоровнину в 1918 году приходилось ездить по командировкам почти исключительно в конских вагонах, а в одну из поездок пришлось три недели жить в комнате без стола и стула⁹. Не выдержав таких условий, Сидоровнин просил откомандировать его от инспекции на другое место службы.

Отдельные документы о быте военспецов носят откровенно трагический характер. Например, таким был рапорт, направленный в оперативное управление Всероглавштаба и. д. председателя пограничной конфликтной комиссии № 5 бывшим Генштаба генерал-лейтенантом Н. А. Зарубиным в октябре 1918 года. Военспец писал, что с 19 октября остался единственным работником комиссии, исправлявшим «должность свою Генштаба, секретаря, переводчика, представит[еля] м[инистерства] иностранных дел и фактически посыльного, а ныне ещё и председателя; если я отправлюсь в Вятку, то комиссия в Унече de facto и de jure упраздняется до прибытия нового состава, что вряд ли будет скоро; до сих пор желающих занять вакансий нет. На 1 ноября с. г. назначено совместное свидание с немцами по ту сторону границы, отменить которое невыгодно для Советской власти и Республики. Так как я, бывший тайным военным агентом, попутно с[о] своими обязанностями делаю разведку (прилагаю добытые немецкие газеты). Несмотря на труднообразимые условия жизни в Унече (помещение для всего состава комиссии и канцелярии для занятия и жилья — 1 ½ кв. сажени, отсутствие свечей, лампы, — телеграф прекращает работу при наступлении темноты), невероятное количество клопов, блох, вшей и чрезвычайную дороговизну жизни (селёдка — 7 рублей, коробка спичек — 1 руб.) я считаю, что я, будучи пригоден для службы в конфликтной комиссии, обязан в интересах Советской власти доложить, что меня оставить в этом пункте полезно (не для меня лично)... прошу... а) снабдить меня какой-либо тёплой одеждой (иначе могу прийти в негод-

В. Г. Сухов. Ведомственный архив Службы безопасности Украины.

ность), сапогами или вообще обувью, б) выдать мне неполученное содержание за службу за этот месяц и какой-либо аванс для личного прокорма и прокорма семьи (старуха-жена и парализованная, хромяя коленом дочь...)»¹⁰. В 1919 году Зарубин, возможно, не выдержав такой жизни и службы, бежал из Советской России через Украину и уехал за рубеж.

Служащие центральных учреждений в Москве и окружных штабах жили на квартирах, в том числе коммунальных. Так, соседями по коммуналке недалеко от Гранатного переулка в Москве были братья Раттэли и В. Н. Клембовский¹¹. За жильё приходилось платить. Служащие штаба Высшего Военного Совета в 1918 году платили за квартиру до 20 процентов содержания, и это считалось приемлемым¹². В целях привлечения генштабистов в новую армию разрабатывались различные проекты. Один из них, составленный в мае 1918-го, предусматривал привлечение военспецов при помощи жалования, бесплатного пайка, в том числе членам семьи, а также бесплатного жилья.

В отношении отдельных военспецов большевистское руководство проявляло самую настоящую заботу, в том числе в жилищном вопросе. Например, председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий потребовал через Полевой штаб РВСР в июне 1920 года от командующего армиями Кавказского фронта В. М. Гиттиса «вполне обеспечить В. Н. Клембовского как квартирой, так и прочими видами довольствия, дабы он не чувствовал в этом недостатка»¹³.

В условиях уплотнений и реквизиций имущества военспецы нуждались в защите и обеспечении минимальных потребностей, необходимых для нормального несения службы. Военспецы запасались различными охранными грамотами и удостоверениями. Так, начальник Главного управления военно-учебных заведений В. П. Муратов обладал целым рядом такого рода документов. В августе 1918 года он получил удостоверение о том, что его кварти-

ра не подлежала обыску¹⁴. В октябре 1918-го он получил удостоверение военно-учебного управления Всероглавштаба о том, что мебель военспеца не подлежала реквизиции, а сам он нуждался в отдельном кабинете для занятий¹⁵. 1 августа 1919 года датировано удостоверение Муратова, выданное главным комиссаром военно-учебного управления Всероглавштаба, о том, что занимаемая им квартира «уже уплотнена ещё двумя семействами и уплотнению и реквизиции вещей, продовольствия и продуктов не подлежит... В случае необходимости обыска по причинам общего характера прошу отнестись к тов. Муратову и его семье с должным доверием»¹⁶. Удостоверения периодически приходилось обновлять. В июле 1920 года Муратов вновь обзавёлся бумагой о том, что ему нужен кабинет для работы и приёма посетителей на дому¹⁷, а в ноябре 1920-го получил бумагу о том, что ему нужна отдельная комната, в том числе для секретности¹⁸. В 1921 году Муратов получил удостоверения о том, что нуждался в добавочной комнате помимо нормативной жилплощади¹⁹. Судя по всему, военспецы на протяжении всей Гражданской войны упорно пытались лишиться одной из комнат, в связи с чем ему приходилось постоянно бороться за свои права. Наконец, 9 апреля 1921 года Муратову было выдано удостоверение (охранная грамота) за подписью начальника всех военно-учебных заведений Д. А. Петровского о том, что его квартира не подлежала уплотнению семьи и принудительному переселению или выселению. Реквизиция и конфискация вещей домашнего обихода (мебели, одежды, обуви, посуды) воспрещалась. При особой в них нужде право реквизиции принадлежало особой комиссии в составе председателя губисполкома, губсовнархоза и губпродкома при условии уведомления центральных властей²⁰. Удостоверение было отпечатано типографским способом, следовательно, ГУВУЗ так защищал многих своих сотрудников. В общей сложности Муратов занимал на 1921 год три комнаты. Новые охранные удостоверения на жильё он получил в 1922-м²¹.

Бывший генерал В. И. Селивачёв, устроившись на советскую архивную службу, 2 декабря 1918 года получил специальное удостоверение управления делами Наркомпроса, в котором было отмечено, что он относился ко второй категории служащих в советских учреждениях. Принадлежность к этой категории давала семье Селивачева следующие «льготы»:

«а) Вся имеющаяся у них мебель и домашняя обстановка остаётся в их владении.

б) Они могут быть оставлены в занимаемых ими помещениях или им могут быть предоставлены другие квартиры в районе их службы, в зависимости от количества здоровых помещений, необходимых для рабочих данного района.

в) В случае переселения они должны быть обеспечены средствами передвижения, необходимыми (в документе несогласованно — не-

М. А. Свечин.

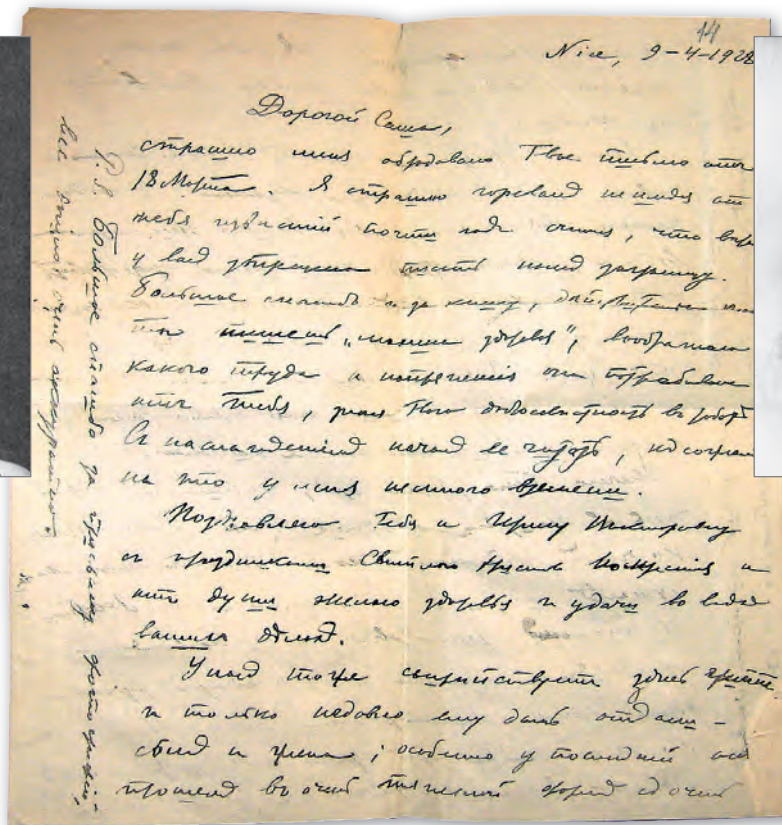
обходимых. — А. Г.) для перевозки их мебели и имущества.

г) Бельё, платье и другие предметы реквизиции не подлежат.

д) Музыкальные инструменты, книги, картины и другие предметы художественного творчества подлежат лишь учёту и поступают в ведение соответствующих организаций»²².

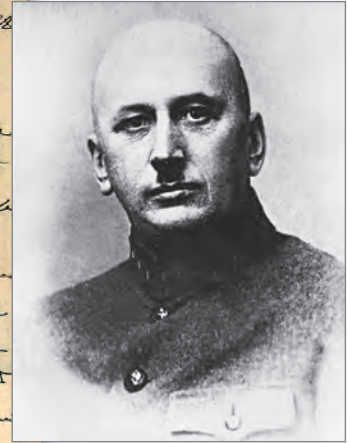
Генштабисты, связанные с большевистским руководством, активно пользовались этими контактами в своих интересах. В результате применения административного ресурса иногда удавалось практически мгновенно решать даже, казалось бы, неразрешимые вопросы. Например, управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич писал 8 мая 1919 года своему брату — известному военспецу М. Д. Бонч-Бруевичу: «6/V-19 г. мною было доложено Председателю Совета Народных Комиссаров Владимиру Ильичу Ленину о Вашем заявлении о реквизиции Ваших домашних вещей в г. Чернигове. Председатель Совета Народных Комиссаров тотчас же распорядился дать телеграмму председателю Совнаркома Украины тов. Раковскому о сохранении в целости Ваших вещей, особенно библиотеки и архива, предлагая тов. Раковскому сделать распоряжение Черниговскому Исполкому. На эту телеграмму председателя Совнаркома 7/V-19 г. получен ответ из Киева следующего содержания: «распоряжение Черниговскому Исполкому о сохранении в целости вещей и библиотеки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевич сделано. Предсовнаркома Раковский». Об этих распоряжениях высших властей Российской и Украинской Советских Республик Вас уведомляю»²³. 23 мая 1919 года Х. Г. Раковский телеграфировал В. Бонч-Бруевичу и Ленину: «Удостоверяем, что ничего не расхищено и не растрачено непроизводительно»²⁴.

О тяжелейших бытовых условиях писал старший делопроизводитель отчётно-органи-

Письмо М. А. Свечина брату. Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Публикуется впервые.

зационного отдела организационного управления Всероглавлштаба В. Г. Сухов. Получив предписание отправиться на фронт, он обратился 2 января 1919 года к начальнику отдела с рапортом: «Имея на своём иждивении семью в 8 человек (жену и 7 человек детей в возрасте не старше 13 лет, из них 6 сирот от первого мужа жены, убитого на войне), я, служа в Москве, был в крайне тяжёлом материальном положении, тем более, что принужден жить на два дома, так как в моей просьбе об отводе для меня в Москве хотя бы самой маленькой квартиры в 2 комнаты с кухней мне жилищная комиссия отказала, и семья моя ютилась до конца ноября в одной холодной (летней) избе д. Чернобаево Вяземского уезда. В ноябре, заручившись бумагой за подписью начальника и комиссара оперативного управления, я попытался устроить семью в двух комнатах дома отца жены близ д. Чернобаево, но, к сожалению, этим не только не улучшил, а ещё более ухудшил её положение до самых грубых и жестоких издевательств включительно, о чем, дабы ещё более не ухудшить положение, я считаю более благо-разумным молчать. Ввиду таких обстоятельств, я решил обратиться с просьбой о переводе меня в провинцию — в один из окружных штабов или на командные курсы заведующим обучением, чтобы иметь возможность вывезти к себе семью; в отделе по службе Генерального штаба я узнал, что на подобный перевод я рассчитывать не могу; тогда я просил указать, не найдётся ли какая-либо тыловая должность на

А. А. Свечин.

фронте, связанная с продолжительными стоянками на одном месте; мне была указана должность начальника дежурства в Арзамасе вместо Генерального штаба Корсуна, о назначении на которую я и обратился к Вам с просьбой... Принимать же

должность в штабе армии я не имею возможности не только по обстоятельствам, связанным с нуждой моей семьи, с чем быть может не положено считаться, но и по состоянию своего здоровья, которое зимой, как это есть теперь, временами совершенно лишает меня возможности работать, что может быть засвидетельствовано медицинской комиссией»²⁵.

Назначенный на должность для особых поручений при начальнике штаба 6-й армии А. Н. Леонов не мог 15 июля 1919 года выехать к месту назначения из Ярославля за отсутствием обуви и шинели²⁶. По этим же причинам в феврале 1919-го не мог выехать в штаб Северного фронта освободившийся из-под ареста генштабист В. А. Ивановский²⁷. При этом рамки дозволенного, несмотря на повсеместный дефицит, оставались достаточно узкими. Когда командующий 6-й армией А. А. Самойло заказал себе кожаную куртку, член РВС 6-й армии А. М. Орехов осудил его за расточительность²⁸.

Паёк (на фронте — фунт хлеба в сутки) не избавлял от полуголодного существования. Так, по свидетельству военного руководителя Западного участка отрядов завесы бывшего Генштаба генерал-лейтенанта В. Н. Егорьева, штаб завесы в Калуге в июне 1918 года голодал, сотрудники не получали хлеба, которого не было ни в штабе, ни в городе²⁹. Нижестоящие штабы отрядов завесы и дивизий были обеспечены ещё хуже и втягивались в меновую торговлю. Сам Егорьев, по его словам, занялся мешочничеством — купил в Воронеже 38 вагонов муки для доставки в калужский штаб, но купленное было изъято в Москве, а до Калуги удалось довести только три вагона³⁰.

Подтверждением того, что генштабисты, даже относившиеся к советской военной элите (уровня командующих армиями и фронтами), находились в годы Гражданской войны в тяжелейшем положении в отношении удовлетворения самых элементарных потребностей служит тот факт, что, в частности, супруга А. А. Самойло — командующего 6-й армией, имевшей статус отдельной, то есть приравненной к фронту (на эту армию была возложена оборона Советского Севера), — в Москве летом 1919 года была вынуждена обменять ордена мужа (22 награды) на пуд белой муки³¹. Возможно, именно тяжёлое полуголодное существование было причиной того, что Самойло с членом РВС армии Ореховым, находясь в Карелии поблизости от передовой, буквально набросились на лужайку с белыми грибами, а затем, опаздывая на совещание, с большим риском повезли добычу вдоль линии фронта, во время этой опасной «операции» Самойло был даже контужен³².

Бытовые условия жизни военспецов оставляли желать лучшего и после окончания Гражданской войны. Многие по-прежнему ютились в коммуналах. Бывший генерал И. В. Ахвердов писал своему товарищу генералу Ф. И. Назарбекову о жизни в коммуналке: «У меня перемен никаких нет, не считая того, что постепенно, понемногу, жизнь становится сложнее, т. к. обставляется разными мелкими условностями, зависящими от характера, нервности и взаимоотношений окружающих людей, с которыми постоянно соприкасаешься в квартире»³³.

Любопытную зарисовку бытовой повседневности военспецов даёт письмо генерала М. А. Свечина 9 апреля 1928 года из Ниццы своему младшему брату, известному военному теоретику А. А. Свечину в СССР (в трудночитаемых местах в скобках нами поставлены вопросительные знаки): «Дорогой Саша, страшно меня обрадовало Твоё письмо от 18 марта. Я страшно горевал, не имея от тебя известий почти год, считая, что впредь у вас запрещено писать нам за границу. Большое спасибо и за книгу, действительно, как ты пишешь, «машина здоровая», воображаю, какого труда и напряжения она потребовала от тебя, зная Твою добросовестность в работе³⁴. С наслаждением начал её читать, к сожалению, на это у меня немного времени. Поздравляю Тебя и Ирину Викторовну³⁵ с праздником Светлого Христова Воскресения и от души

Банкет в РККА. 1925 г. Архив С. М. Кремкова. Предоставлено А. А. Симоновым. Публикуется впервые.

желаю здоровья и удачи во всех ваших делах. У нас тоже свирепствует здесь грипп и только недавно ему дал отдачи (?) — сам и жена; особенно у последней он прошёл в очень тяжелой форме с очень высокой температурой. А беда, когда хозяйка болеет — всё тогда выбивается из колеи. Вполне разделяю радость Ирины Викторовны иметь отдельную кухню. Иногда, читая тяжёлые условия вашего жилищного вопроса, берёт стыд — как можно существовать, когда на кухне встречаются по несколько хозяек разного положения, привычек и пр. — ведь это ужас. Здешние жители такого себе представить не могут: кухня — это святая святых каждой хозяйки — кто бы она ни была. Ничего ты, дорогой брат, не пишешь о своей частной жизни и своих детях. Петя³⁶, вероятно, кончает среднюю школу; по какой специальности думает идти? Что слышно об Георгии? Я писал уже давно не имею сведений. Крепко обнимаю Тебя и целую ручки дорогой Ирины Викторовны. Если вам можно, то не забывайте нас, грешных, заброшенных судьбой в далёкие и чуждые края. Твой Миша. Когда будешь писать, не можешь ли прикладывать стар[ых] марок, особенно ваши марки юбилейные (?) пользу[ются] большим успехом (?). P.S. Большое спасибо за присылку фотографий, всё дошло очень аккуратно»³⁷.

Как видно, в письме сказано немного, поскольку, несмотря на все послабления, ни о чём, кроме бытовых мелочей, в такой переписке сообщать было нельзя. К сожалению, в нашем

распоряжении нет предшествующих писем, в которых А. А. Свечин, видимо, объяснял своему брату, незнакомому с советской действительностью, что такое коммунальная квартира, в которой он был вынужден жить. Письмо показывает, что даже в сложных условиях эмиграции генштабисты в бытовом плане к концу 1920-х годов смогли устроиться лучше, чем их бывшие коллеги в СССР.

В результате революции и Гражданской войны старая военная элита потеряла практически всё. В Советской России и СССР она не только оказалась лишена возможности влиять на политические решения, но попала в бесправное и тяжёлое, подчинённое партийному руководству положение, в обстановку недоверия и подозрительности. В материальном плане ситуация выглядела беспросветной. Высокие оклады периода Гражданской войны не спасали от полуголодной жизни в охваченной разрухой стране. Жилищные условия резко ухудшились. При этом в среде военспецов началось расслоение. Те, кто был близок к большевистским вождям, посредством личных связей решали свои проблемы. Впоследствии развитие такой практики привело к появлению номенклатуры, в том числе в армейской среде. Простые военспецы таких возможностей не имели и влачили жалкое существование в не всегда дружелюбной среде. Думается, в 1917–1918 годах ожидания генштабистов, поддержавших большевиков, были совсем иными.

Примечания

1. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1268. Л. 686 об.
2. Там же. Ф. 409. Оп. 1. П/с 47–157. Л. 1 об.
3. Подробнее см.: Малинко В. И. Справочная книжка для офицеров. М. 1917. С. 203.
4. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с 145–351. Л. 1 об.
5. Самойло А. А. Две жизни. М. 1958. С. 215.
6. РГВА. Ф. 41113. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
7. Там же. Ф. 29862. Оп. 1. Д. 12. Л. 41.
8. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1. Л. 621.
9. Там же. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 207 об.
10. Там же. Л. 132.

11. Сообщено автору внучкой падчерицы В. Н. Клембовского В. В. Степановой (Москва).
12. РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 182.
13. Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 917. Л. 276.
14. Там же. Ф. 40870. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
15. Там же. Оп. 1. Д. 12. Л. 13–14.
16. Там же. Л. 16.
17. Там же. Л. 17.
18. Там же. Л. 18.
19. Там же. Л. 19–20.
20. Там же. Л. 21.
21. Там же. Л. 24–25.
22. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 56. Д. 227. Л. 3. Подробнее см.: Ганин А. В.

- Последние дни генерала Селивачёва. Неизвестные страницы Гражданской войны на Юге России. М. 2012.
23. РГВИА. Ф. 239. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
24. Там же. Л. 6.
25. РГВА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 132. Л. 216–217.
26. Там же. Ф. 188. Оп. 3. Д. 719. Л. 245.
27. Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1004. Л. 44 об.
28. Самойло А. А. Указ. соч. С. 246.
29. Егорьев В. Н. Из жизни западной завесы // Этапы большого пути. Воспоминания о Гражданской войне. М. 1962. С. 143.
30. Там же. С. 144.

31. Самойло А. А. Указ. соч. С. 190.
32. Там же. С. 211.
33. Национальный архив Армении. Ф. 45. Оп. 1. Д. 28. Л. 74.
34. Речь идёт об одной из двух вышедших незадолго до этого фундаментальных работ А. А. Свечина «Эволюция военного искусства» или «Стратегия».
35. Супруга А. А. Свечина.
36. Сын А. А. Свечина от первого брака, родившийся 5 марта 1910 г.
37. Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 66. Л. 95 (конверт, Л. 14–14 об.).